

Пропагандист доброты

В конце прошлого года журнал "Знамя" опубликовал фрагменты "Из записных книжек" Фазили Искандера. По нынешним временам, жанр — почти мемориальный, относящий автора к высшим ступеням литературной иерархии, когда ценны и интересны все мысли, идеи, наблюдения, доверенные им бумаге. В данном случае — вполне оправданно. Фазиль Искандер — один из самых значительных современных писателей, которому удалось счастливо совместить и всенародную любовь, и признание критиков. С другой стороны, "записные книжки" — жанр очень личный, интимный, редко предназначенный для публики, когда человек не боится оказаться ни наивным, ни банальным и потому приоткрывает самое сокровенное. О чем же размышляет накануне своего юбилея русский писатель, который прожил непростые 75 лет вместе со своей страной?

"Многие писатели и сами не понимают, что первый акт творчества — это сама их жизнь как накопление этической энергии для второго акта творчества."

Сам Фазиль Абдулович это прекрасно понимал. Он так серьезно относился к "первому акту творчества", что во втором — его книгах — невозможно обнаружить ни лжи, ни неискренности, ни конъюнктуры. Вообще, 30-е, 40-е, 50-е и все последующие десятилетия дали драматические, но беспрецедентные возможности для "накопления этической энергии". Воспользовались ими далеко не все, но тех, кто воспользовался, мы сегодня знаем поименно. Путь от солнечной Абхазии до московского литературного олимпа был совсем непрост, особенно для сына высланного из СССР в 38-м году человека. Он преодолел его с упорством горца и достоинством труженика. В конце 50-х Искандер вошел в блестящую плеяду молодых литераторов, которых собрал журнал "Юность". Они на много лет определили и поиски в отечественной литературе, и этический кодекс нового поколения интеллигенции. Впрочем, в те времена не принято было отделять одно от другого...

"Слава греет и взбадривает, когда светит издали. Вблизи она вульгарна, нагло вторгается в личную жизнь."

Буквально всесоюзная слава — насколько это было возможно в доинформационную эпоху — пришла к нему после публикации в 1966 году повести "Созвездие Козлотура". Неввероятно смешную, ироничную, полную беспощадного сарказма и очаровательного юмора историю об очередном производственном почине читатели, прекрасно ориентирующиеся в зоополом языке, немедленно соотнесли с текущей советской реальностью. Книга стала бестселлером, что по тем временам означало

Ф. Искандеру — 75

невозможность ее достать. Фраза "интересное начинание, между прочим, но не для нашего климата" ушла в народ. А автор заслужил особое внимание контролирующих органов всерьез и надолго: слава действительно вторглась в его личную жизнь — нагло и вульгарно. Он оказался в ряду "неблагонадежных" писателей. И чем больше его любили читатели, тем труднее становилось преодолевать цензурные ограничения. Притча или антиутопия "Кролики и удавы" была опубликована в СССР только в 1987 году — когда история общества, описанного Искандером, уже близилась к завершению.

"То, что над недостатками страны еще хочется смеяться, означает наличие надежды на ее выздоровление. Если над страной уже не хочется смеяться, значит, это погибшая страна. Над погибшими не смеются."

Таким был пафос гротеска, иронии и сарказма, которые составляют отличительную черту литературного стиля Фазили Искандера, с одной стороны, включающую его в традицию отечественной словесности, с другой — благодаря абхазскому колориту — уникальную. Но это еще и существенная часть его мироощущения, мироощущения человека, для которого уныние — тяжкий грех и который всегда будет искать выход. Его книги, даже самые драматические и жесткие, не оставляют ощущения безысходности и тоски. Конечно, это не романтическое "печаль моя светла", а то, что всегда есть выбор или хотя бы надежда...

"В жизни человечества пропаганда ума оказалась гораздо действенной пропаганды доброты. Мы имеем огромный список выдающихся умов в истории человечества, но списка людей выдающейся доброты нет. Люди легко согласились с тем, что ум выгодней доброты."

Фазиль Абдулович сегодня много

размышляет о доброте. Не о добре как библейской категории, вселенской и в силу этого немного отстраненной от человека. А о доброте как свойстве личности, как способе общения между людьми и народами, как качестве жизни — обычной бытовой и духовной. Вообще, если попытаться определить одним словом главную тему в творчестве такого масштабного и разнопланового писателя, как Искандер, попробовавшего себя и в философских эссе, и в детективе, наверное, более всего подойдет именно доброта. Такой добротой и любовью к героям, жителям горного абхазского села, проникнуты его повествования о Сандро из Чегема, рассказы о Чике. Доброта — часть художественного мира Искандера и то, что он так пристально высматривает в жизни. А жизнь, нынешняя жизнь, оказалась намного сложнее, чем виделось когда-то. И Сухуми, который он покинул в 90-м году, успел побывать и военным, и послевоенным городом. И многое из того, что происходит сегодня, тревожит Фазили Искандера. Но в отличие от других "думающих о России", он видит выход: "...Вот мы, старики, по сорок, по пятьдесят лет друг друга знаем. Сколько нас тут: абхазец, русский, грузин, мингрел, армянин. Разве мы когда-нибудь... между собой враждовали по национальным делам? Мы — никогда! Шутки, подначки — пожалуйста. Но этой чумы между нами не было. Нас всех соединил русский язык. И я уверен — он победит эту чуму и снова соединит наши народы. Но если этого не будет, если эта зараза нас перекосит, умрем непобежденными. Пусть скажут будущие поколения: "Были во время чумы такие-то старики, они продержались..."

Они продержатся...

Марина ИВАНОВА
Фото ИТАР-ТАСС

Кувбатура. — 2004 — 4-10 марта. — с. 9